

УДК 316.7

СОВРЕМЕННЫЙ МЕГАПОЛИС КАК ФРОНТИРНАЯ ГЕТЕРОТОПИЯ¹

Романова А. П.

Гуманитарный институт, АГУ, г. Астрахань, Российская Федерация

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Основной целью статьи является рассмотрение современного мегаполиса как фронтальной гетеротопии. Для анализа используются два подхода – фронтальный и гетеротопный, которые дополняют друг друга. Мегаполис как фронт представляет собой пространство активного межкультурного, экономического и политического взаимодействия, внутренние границы и центры тяжести которого постоянно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств не только на периферии, но и в центральных районах. Как фронт мегаполис включает в себя территории повышенной конфликтности. Особенно на подвижных границах этнических анклавов, социальных гейт-сообществ (кондоминиумов), культурных сообществ. Гетеротопный подход позволяет рассмотреть мегаполис как сложное, комплексное многослойное гетеротопное пространство, включающее в себя комплекс различного типа гетеротопий. Это и традиционные гетеротопные пространства – библиотеки, музеи, театры, тюрьмы и т. д. И новые – анклавные, культурные и этнические, изменяющиеся под влиянием социальных условий. Современный мегаполис уже не представляет собой монолитного монокультурного исторически сформировавшегося поселения с локализованными вкраплениями гетеротопных этноанклавов – гетто. Это – скорее комплекс гетеротопных пространств, как социальных гейт-комплексов, так и этнопригородов (ethnosuburbs). Этнопригород – это не единственный этноанклав, а совокупность этнических сообществ, разделенных подвижными границами. Для современных этнопригородов характерно многоязычие, использование этнических диалектов, билингвальная языковая политика. Внутри этнопригородов культурная обособленность совмещается с культурным соседством. Появляется этнически ориентированная продуманная политическая стратегия.

Ключевые слова. мегаполис, фронт, гетеротопия, этнические анклавы.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время терминология М. Фуко, связанная с иными, гетеротопными пространствами, все чаще входит в научный оборот не только в области исследования городского пространства, но и всяческих других социальных пространств. Вброшенный в научный оборот М. Фуко термин («Слова и вещи» (1966), «Другое пространство» (1984)) в последние десятилетия начинает использоваться, в том числе и как методологическая основа для гуманитарных

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, заявка 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

исследований, причем не только в урбанистике, но и в филологии и других социальных науках. Появляется отдельное направление – гетеротопология, которая хотя «так и не стала континентом, а оказалась лишь архипелагом довольно разнородных островков» [18, с. 190], но, тем не менее, термин «гетеротопия» становится «рабочим понятием современной гуманитаристики» [19, с. 58].

Сам М. Фуко не дает гетеротопии четкой дефиниции, он скорее описывает ее как реально существующие пространства, эффективно действующие утопии, которые формируются в самом основании общества. Фуко считал, что они представляют собой контр-пространства, в рамках которых другие реальные места, существующие в культуре, одновременно представлены, противостоят друг другу и перевернуты. Эти места находятся за пределами всех мест, хотя в реальности они фактически локализуемы [4, р. 24].

М. Фуко в этой же работе достаточно подробно расписывает шесть основных принципов гетеротопии: универсальность, т.е. наличие гетеротопных пространств практически в любой культуре; гибкая функциональность, поскольку функционал меняется в зависимости от потребностей социума; наличие множественных пространств в одном пространстве гетеротопии; сохранение времени; наличие входа и выхода в гетеротопию; способность контактировать со всеми другими пространствами несмотря на свою обособленность.

В данной статье мы ограничимся перечислением основных принципов, поскольку они достаточно подробно проанализированы как в зарубежной [2], так и в отечественной литературе [20], в том числе и применительно к различным гетеротопным пространствам. В статье «Другое пространство» Фуко выделяет и кратко описывает два типа гетеротопии: гетеротопию кризиса и гетеротопию девиации. Третий тип гетеротопий Фуко четко не артикулирует, называя его «гетеротопией иллюзии» или «гетеротопией компенсации» [4, р. 25]. Гетеротопии этого типа являются характерными для конца индустриальной эпохи и непременным атрибутом постиндустриального общества. Это театры, музеи, кинотеатры, развлекательные центры и другие центры проведения досуга [14]. Этот тип гетеротопии достаточно подробно анализируется в работах последователей Фуко [1]. Типология Фуко дополняется современными вариантами, такими как «гетеротопия убежища» [3].

Возникает вопрос, какие пространства мы можем считать гетеротопией? Мы считаем, что термин «гетеротопия» можно применять не только к территориям, как это часто делается в современной гетеротопологии, но и к пространству как таковому. Оно может быть, как архитектурной гетеротопией (русская часть турецкого Карса), локализованные городские пространства (кладбища, гетто), специализированные локализованные структуры (библиотеки, театры, молы). Однако в последнее время терминология эта получила более широкое применение, мы говорим о гетеротопности ныне весьма широко понимаемого фронтального пространства, о гетеротопности мегаполиса.

МЕГАПОЛИС КАК ФРОНТИР

Классический фронт, в том смысле как понимал его Ф. Тернер, представлял собой территорию подвижных границ, характеризуемую следующими чертами: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т. д. [10]. Однако классик полной систематизации фронтальных черт так и не закончил.

Позднее варианты такой систематизации были предложены российскими исследователями. Систематизируя теоретические представления о фронте, И. П. Басалаева выделяет следующие характерные для фронтальной территории черты: этнокультурная неоднородность групп; неравная численность фронтальных групп; амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтальных групп; изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтальной группе; дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтальных групп; маргинальное («окраинное», «украинное») геополитическое расположение фронтальной территории; отсутствие четких границ – как государственных, так и внутренних; квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонирование пространства фронта); центрирование фронтальной зоны очагами «городской жизни»; де-факто колониальный статус территории; отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; номинальный характер государственной власти; отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; «административное бесправие» и произвол; более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения [13]. Ряд корректив в эту схему внес российский специалист по фронту С. Н. Якушенко [21].

В последнее время понятие «фронт» все чаще стало выходить за рамки традиционного употребления, только применительно к американской истории, так как его понимал Ф. Тернер. Расширилась не только география фронта, он стал применяться к ряду других территорий: Индия (R. B. Pemberton, G. Th. Bayfield, S. Cotton, S. S. Jeyaseela), Канада (Furniss E.), Афганистан (Schofield V.), Австралия (Furniss E.), Африка (О. М. Есаулова), Россия (Khodarkovsky M., Joseph L. Weiczynski, Denis D. P. Show). В России появились школы региональных фронтальных исследований: сибирского (А. Д. Агеев, А. С. Хромых) дальневосточного (А. П. Забияко), южнороссийского (Якушенко С. Н., Якушенко О. С.), кавказского (Урушадзе А. Т.). Все чаще ведется речь о пространстве фронта, которое может быть и сетевым [16], и информационным [12], и пространством мегаполиса.

Концепцию мегаполиса как фронта в течение ряда лет разрабатывала американская исследовательница Саския Сассен. Сассен считает, что современный город, особенно мегаполис, представляет собой новый фронт, поскольку, прежде всего, это место встречи акторов из разных миров, где нет четких правил взаимодействия. Следуя Сассен, можно рассматривать мегаполис как фронтальный

комплекс. Во-первых, это место встречи акторов различных культур. Во-вторых, это стратегический фронт для корпоративного капитала. Современная экономика конструирует в мегаполисах некие формальные инструменты для создания регулируемой среды обеспечения бесперебойно действующего глобального пространства операций. И эти инструменты Сассен считает некими аналогами старым военным фортам на историческом фронтире.

Мегаполис это и политический фронт. Это фронт для тех, «кому не хватает власти, тех, кто находятся в неблагоприятном положении, посторонних, ущемляемых меньшинств» [7, р. 3]. Мегаполис – это пространство, являющееся компасом внутренних конфликтов и различий [8]. Житель мегаполиса не получает «своего места в пространстве автоматически», его нужно обрести, приложив определенные усилия в «завоевании места под солнцем» [14].

Фронт мегаполиса это пространство меняющихся границ мегаполиса и пригородов, мегаполиса и этноанклавов. Сассен считает, что за последние десятилетия изменилась концепция современной границы, она вышла за рамки государственно-национального разделения территорий. Все больше границ обозначает наше соприкосновение не с внешними территориями, а является так называемыми внутренними границами. Иногда эти внутренние границы обозначают пространство внутри чужой территории.

В данной статье мы не будем подробно рассматривать характеристические черты мегаполиса как фронта и сравнивать его с моделями, предложенными как Ф. Тернером, так и И. П. Басалаевой или С. Н. Якушенковым. Отметим только наиболее важную для нас характеристику мегаполисного фронта – он перестает быть окраинным пространством, что является важнейшей чертой исторического фронта, а точечно формируется в различных частях национальных территорий, именно там, где развиваются мегаполисы.

Однако нельзя забывать один важный момент – любой фронт – это гетеротопия, хотя не любая гетеротопия – фронт. Фронт гетеротопен в силу того, что он представляет собой «другое» пространство, включающее в себя множественные подпространства. Возникает он часто как гетеротопия девиации, собирая на свою территорию маргинализированные личности, позже в фольклоре приобретающие героизированный характер. Фронт может накапливать время, сохраняя традиции. Соединяя фронтную и гетеротопную методологии исследования применительно к изучаемому нами пространству мы расширяем возможности анализа сложных социальных пространств. Специфика межкультурных коммуникаций на гетеротопных пространствах фронта в диахронном аспекте достаточно подробно описана в одной из наших предыдущих публикаций на примере кейса кавказского фронта [17].

Если мы не принимаем во внимание базисные принципы, характеризующие фронт, такие как окраинность, то чем в данном случае является понятие фронта – неким клише, метафорой или все-таки термином, который ставит на одну линию классический фронт и фронт современный. Часть пространства мегаполиса, прежде всего на местах соприкосновения районов проживания граждан традиционной для данного мегаполиса культуры и анклавных районов, можно

рассматривать как фронт, поскольку это пространство «между», поле активных межкультурных коммуникаций, достаточно подвижное, с расплывчатыми, постоянно передвигающимися границами, со своими конфликтогенными зонами. С другой стороны, современный мегаполис, как пространство множественных локализованных, но в определенных ситуациях, пересекающихся культурных и социальных пространств, представляет собой гетеротопию.

МЕГАПОЛИС КАК ГЕТЕРОТОПИЯ

На современном этапе, когда во фронт превращается и пространство мегаполиса, фронтальная гетеротопия проявляется еще более выпукло.

На территории города испокон веков были гетеротопные пространства – театры, музеи, кладбища, библиотеки, бордели и т.д. Были этнические анклав-гетеротопии – гетто. Они существовали во многих европейских городах (Прага, Венеция, Варшава). Надо отметить, что изначально это была добровольная консолидация еврейского этноса в определенном пространстве связанная с его культурными особенностями. [11, р. 262], позднее гетто приобрели принудительную и политическую окраску («социальные гетто»). Позднее, в восемнадцатом веке появились чайнатауны (Бангкок и Нагасаки), латинские кварталы, так называемые негритянские гетто и т. д.

Пространство города традиционно со времен античности рассматривавшееся как бинарная оппозиция: публичное, политическое (агора) / частное, экономическое (ойкос), ныне дополняется неким третьим пространством. Л. Лофланд [5] называет его парохияльным, а Дехаан и Декаутер [2] определяют его, следуя Гипподамовой схеме, как священное. Локализованные этнические анклав-гетеротопии и представляют собой парохияльное (иногда его переводят как местечковое) пространство внутри города. Локальные пространства – гетеротопии городского фронта могут рассматриваться, с одной стороны, как девиационные гетеротопии, поскольку объединяют людей, которые не смогли или не захотели полноценно интегрироваться в социальное пространство принявшего их сообщества, с другой стороны, как убежища (ультимативные гетеротопии).

Это третье, «другое» пространство не является ни чисто публичным, ни локализовано частным. Оно может быть даже территориально не локализованным (киргизское сообщество Москвы). Хотя внутри такого пространства обособляется частная жизнь другой культурной группы (своя экономическая инфраструктура, культурные связи, традиции, язык), это пространство имеет и политические характеристики. Внутри таких анклавов возникают протестные движения, оформленные чаще всего в виде стихийных бунтов, погромов, избиений, а на фронтальной территории по ту сторону границы появляются контр-протестные явления, выражающиеся как в политических лозунгах, так и в сознательном обострении системы межкультурных коммуникаций (запреты на ношения хиджаба в школе, строительства высоких минаретов, появление на общественных пляжах в буркини). Каждый мегаполис имеет свою специфику. Анализируя политическую ситуацию в Парижском мегаполисе, Дюффуа считал, что он гетеротопен прежде всего в силу своей многокультурности и анклавно-геттообразности. Парижские анклав-гетто не

появились стихийно, «задуманные и сконструированные как вполне автономные образования, – со своими магазинами, школами и службами, которые обеспечивают всем необходимым, – они трансформировались в настоящие гетеротопии. Когда коренные французы покинули эти кварталы, и “три блестящих десятилетия” (имеется в виду послевоенное время) подошли к концу, обитатели этих пригородов лишились работы, выпали из города, из общества» [15]. Эти территории стали территориями «избегания» для жителей соседних кварталов, власти и полиция тоже перестали обращать на них внимание, они стали «пространственными символами обратной стороны общества» [15]. Все бунты и конфликты, происходившие исключительно ночью, были символами неподчинения этой территории юрисдикции официальной администрации.

Надо сразу оговориться, что мегаполис является гетеротопией прежде всего поскольку он имеет внутри себя ряд гетеротопных подпространств. В данном случае мы не будем затрагивать такие исторически сформировавшиеся структуры как гетеротопии иллюзий, они участвуют в социальном процессе весьма опосредовано. Можно выделить как минимум два интенсивно развивающихся типа внутримегаполисных гетеротопий. Во-первых, это кондоминиумы, gate-территории, представляющие собой огражденное пространство комфортной жизни высокого уровня для ограниченного числа горожан. По сути это гетеротопии-убежища, но не от власть-предержащих, а от социальных проблем города. Данные гетеротопии не являются политическими акторами, не представляют собой источник социальных и политических волнений, они скорее могут выступить не как субъект, а как объект политической провокации.

Нас больше интересует другой тип мегаполисных гетеротопий – этнические и культурные анклавов. Этот тип гетеротопии объединяет в себе гетеротопию девиации и гетеротопию убежища, но на этот раз уже от натиска социальных требований и давления государства. Если культурные анклавов представляют собой культурную девиацию ЛГБТ-сообщества, неформалов всех видов, клубы по интересам, территории которых могут не иметь четко выраженных границ и представлять собой свободное публичное пространство [1], то этнические анклавов в большинстве случаев имеют территориальные границы.

Анклавов как гетеротопии амбивалентны. С одной стороны, они являются тем самым парохильным пространством, а с другой стороны, публичным. Именно подвижные границы, формально весьма прозрачные, а неформальные достаточно четко обозначенные, этнических анклавов и представляют собой ту самую мегаполисную фронтальную гетеротопию. Именно она олицетворяет собой концентрацию культурной инаковости на ограниченном пространстве. Амбивалентны анклавов и в том, что, с одной стороны, дают возможность усиленного контроля за их населением со стороны государства, с другой являются пространствами, аккумулирующими протестные настроения и потому, как это было в Париже, неконтролируемым силовыми структурами. Современное общество культурно, этнически, экономически фрагментированное в мегаполисах способствует появлению гетеротопных анклавов как исключяющих, вытесняющих пространственных устройств (exclusionary spatial device).

Современные анклавные территории сами становятся дисперсными, часть из них аккумулируется в этнических пригородах мегаполисов. Так китайское население Нью-Йорка сосредоточено на данный момент не в одном, а в трех чайна-таунах: старейший на Манхэттене, численность обитателей которого постепенно сокращается, самый населенный – Бруклинский и догоняющий его Флашинг (Квинс) (Flushing Queens). Флашинг – это не просто этнический анклав, это весьма дисперсная территория, где даже чайнатаун представляет собой комплекс мини-анклавов. Внутри большого китайского Чайнатауна существуют более узкие этнические сообщества: мандарин таун, маленький Тайвань, маленький Гонконг и т. д. Здесь можно услышать множество китайских диалектов, увидеть рестораны различных провинциальных китайских кухонь – тайваньской, шанхайской, хунаньской, сычуаньской и даже малоизвестной дунбэйской [7]. Рядом с чайнатауном – корейский анклав, со всей атрибутикой корейской культуры. Рядом расположены и мини-анклавы малайзийцев, шриланкийцев, индусов и т. д. Азиатская часть Флашинга наиболее весома – 44,3%. Около 20% населения Флашинга – сообщества белых европейцев: ирландцев, греков, итальянцев, испанцев, русских [9].

Флашинг действительно фронтален, рядом на одной улице вы можете увидеть китайский, тайский и вьетнамский рестораны. В одном квартале – индуистские храмы, соседствующие с католическими и конфуцианскими. А в церкви святого Георга середины XIX века, принадлежащей англиканской церкви, службы идут на китайском, испанском и английском языках. Таким образом, модернизированные гетеротопные анклавные территории перестают быть гетеротопиями-убежищами, в силу их интенсивного и быстрого развития и представляют собой совмещение культурной обособленности с культурным соседством. Растет и политический вес Флашинга. Активная целенаправленная деятельность в русле выстроенной этнически ориентированной политики, направленная не против, а в русле государственной политики, позволила членам китайской общины Флашинга стать новыми членами Нью-Йоркского городского совета и даже членами конгресса.

ВЫВОД

Современный мегаполис представляет собой гетеротопное пространство нового фронта. Мегаполис как фронт представляет собой пространство активного межкультурного, экономического, политического взаимодействия, внутренние границы и центры тяжести которого постоянно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств не только на периферии, но и в центральных районах. Одновременно мегаполис представляет собой сложное, комплексное многослойное гетеротопное пространство, включающее в себя комплекс различного типа гетеротопий. Это – и традиционные гетеротопные пространства – библиотеки, музеи, театры, тюрьмы и т. д. И новые – анклавные, культурные и этнические, изменяющиеся под влиянием социальных условий. Современный мегаполис уже не представляет собой монолитное монокультурное исторически сформировавшееся поселение с локализованными вкраплениями гетеротопных этноанклавов-гетто. Это скорее комплекс гетеротопных пространств,

как социальных гейт-комплексов, так и этнопригородов (ethnosuburbs). Этнопригород – это не единичный этноанклав, а совокупность этнических сообществ, разделенных подвижными границами. Для современных этнопригородов характерно многоязычие, использование этнических диалектов, билингвальная языковая политика. В повседневной культуре даже уличные объявления используют два языка – государственный и этнической общности. Внутри этнопригородов культурная обособленность совмещается с культурным соседствованием. Появляется этнически ориентированная продуманная политическая стратегия.

Список литературы

1. Allweil Y. Kallus R. Public-Space Heterotopias: Heterotopias of Masculinity Along the Tel Aviv Shoreline / Allweil Yael and Kallus Rachel // Dahaene Michiel, De Cauter, Lieven. *Heterotopia and the Sity*. Routledge. 2008. – P 191–202.
2. Dahaene M. De Cauter L. / Dahaene Michiel, De Cauter Lieven // *Heterotopia and the Sity*. Routledge. 2008. – 354 p
3. De Cauter L. A Space of Play. Berlage Institute Reader / Lieven De Cauter, Michiel Dahaene. – Rotterdam, 2009.
4. Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. – 1986. – Vol. 16. – no. 1. – P. 22–27
5. Lofland L. *The Public Realm* / L. Lofland. New York: Aldine De Gruyter, Transaction Publishers, 1998. – 305 p.
6. Moskin Julia "Northeast China Branches Out in Flushing". *The New York Times*. – February 9, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/02/10/dining/10chine.html> (Дата обращения 18.12.2016).
7. Sassen S. *The City: Today's Frontier Zone* // *Glocalism: journal of culture, politics and innovation*. – 2014. – Iss. 3. URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>
8. Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones. *J. Cities* (2012), <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007>. URL: <http://www.saskiasassen.com/PDFs/publications/when-the-center-no-longer-holds.pdf>
9. Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin – New York City Neighborhood Tabulation Areas*, 2010. Population Division – New York City Department of City Planning (March 29, 2011). URL: https://www1.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/nyc-population/census2010/t_pl_p3a_nta.pdf (Accessed June 14, 2016).
10. Turner F. J. *The frontier in American history*. – N.-Y.: Courier Dover Publications, 1996, 348 p.
11. Wirth L. *The ghetto* // *Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth*. – Chicago: University of Chicago Press, 1956, P. 261–274.
12. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 1. – 2014. – № 2. – С. 32–39
13. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И.П. Басалаева // *Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал*. – 2012. – № 2. – С. 46–49
14. Газнюк Л. М. Экзистенциально–антропологический статус человека в мегаполисе / Газнюк Л. М. // *Научный результат*. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». – 2015 – Вып. № 3 – С. 93–101
15. Дюфуа С (Stéphane Dufoix) Больше чем бунт: политические вопросы URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html><http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>
16. Морозова Е. Фронт сетевых обществ / Е. Морозова, И. Мирошниченко, Н. Рябченко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Том 60. – № 2. – С. 83–97
17. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях / А. П. Романова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – № 3. – С. 266–271.
18. Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Рецензия / Н. Харламов // *Журнальный клуб Интелрос «Синий диван»*. – 2010. – № 15. – С. 189–197.

19. Шестакова Э. Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект / Э. Г. Шестакова // Критика и семиотика. – 2014. – № 1. – С. 58–72.
  20. Якушенкова О. С. Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта. Дисс. ... канд. филос. наук. – Астрахань, 2014. – 209 с.
  21. Якушенов С. Н. Фронт как культурная парадигма / С. Н. Якушенов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1 – С. 288–298.
- Romanova A. P. Modern megalopolis as a frontier heterotopia** // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 51–60.

The main aim of the article is the review of a modern megalopolis as a frontier heterotopia. For the analysis of it two approaches are used – frontier and heterotopic, which complement each other. Megalopolis as a frontier represents the area of active cross-cultural, economic, political interaction, inner borders and centres of heaviness of which move constantly, that allows to speak about the formation of new frontier spaces not only in periferiya, but in central districts too.

Being a frontier, a megalopolis includes the territories of heightened conflictogenity, especially on the mobile borders of ethnical enclave, social gate-societies (condominiums), cultural communities. Heterotopic approach allows reviewing a megalopolis as a complicated, complex multilayer area, including the complex of different types of heterotopies.

These are either traditional heterotopic areas – libraries, museums, theatres, prisons, etc., or new enclave, cultural and ethnical ones, changing under the influence of social conditions. A modern megalopolis has not presented a monolithic multicultural historically formed settlement with localized inclusion of heterotopic ethno enclaves – ghetto. It is more a complex of heterotopic areas, either social gated-complexes or ethno suburbs.

An ethno suburb is not a single ethno enclave that is a complex of ethnical communities, having been divided by mobile borders. Modern ethno suburbs are characterized by multilingualism, the usage of ethnical dialects, bilingual linguistic policy. Inside ethno suburbs a cultural insularity is combined with cultural neighborhood. Ethnically oriented mature political strategy appear.

Keywords: megalopolis, frontier, heterotopia, ethnic enclaves.

References

1. Allweil Y. Kallus R. Public-Space Heterotopias: Heterotopias of Masculinity Along the Tel Aviv Shoreline. Dahaene Michiel, De Cauter, Lieven. Heterotopia and the Sity. Routledge, 2008, P. 191–202.
2. Dahaene M. De Cauter L. Heterotopia and the Sity. Routledge, 2008, 354 p.
3. De Cauter L. A Space of Play. Berlage Institute Reader. Rotterdam, 2009,
4. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics, 1986, Vol. 16. no. 1, P. 22–27
5. Lofland L. The Public Realm. Transaction Publishers, 1998, 305 p.
6. Moskin Julia. "Northeast China Branches Out in Flushing". The New York Times. February 9, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/02/10/dining/10chine.html> (Accessed December 18, 2016)
7. Sassen S. The City: Today's Frontier Zone. Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation, 2014, Iss. 3. URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>
8. Sassen S. When the Center no Longer Holds: Cities as Frontier Zones. J. Cities (2012), <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007> URL: <http://www.saskiasassen.com/PDFs/publications/when-the-center-no-longer-holds.pdf>
9. Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin – New York City Neighborhood Tabulation Areas, 2010. Population Division – New York City Department of City Planning (March 29, 2011). URL: https://www1.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/nyc-population/census2010/t_pl_p3a_nta.pdf (Accessed June 14, 2016)
10. Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y., Courier Dover Publications, 1996, 348 p.

11. Wirth L. The Ghetto. Community life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth. Chicago, University of Chicago Press, 1956, P. 261–274.
12. Baeva L. V. Tipologiya i problemy izucheniya Yuzhno-rossijskogo frontira [Typology and Study the Problems of the South-Russian Frontier]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. [Bulletin of Volgograd State University. Series 1], 2014, no. 2, P. 32–39
13. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Frontier Criteria: to the Problem]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal [Theory and Practice of Social Development: an Electronic Scientific Journal], 2012, no. 2, P. 46–49.
14. Gaznyuk L. M. Ekzistencial'no-antropologicheskij status cheloveka v megapolise [Existential-anthropological Status of a Person in the City]. Nauchnyj rezul'tat. Seriya «Social'nye i gumanitarnye issledovaniya» [Scientific results. A series of “Social and Humanities Research”], 2015, Iss. 3, P. 93–101.
15. Dyufua Stefan (Stéphane Dufoix) Bol'shechem bunt: politicheskie voprosy [More than Revolt: Political Issues]. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html> <http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>
16. Morozova E., Miroshnichenko I., Ryabchenko N. Frontir setevogo obshchestva [Frontier Network Society]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Implications Relationship], 2016, Vol. 60, no. 2, P. 83–97.
17. Romanova A. P. Specifika mezhkul'turnyh kommunikacij na frontirnyh territoriyah [The Specifics of Intercultural Communication at Frontirnyh Territories]. Kaspiskij region: politika, ehkonomika, kul'tura. [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2015, no. 3, P. 266–271.
18. Harlamov N. Geterotopii: strannyemesta v gorodskih prostranstvah postgrazhdanskogo obshchestva. Recenziya [Heterotopias: Strange Places in the Urban Spaces of the Post-Civil Society. Review]. Zhurnal'nyj klub Intelros «Sinij divan» [Coffee Club Intelros “Blue sofa”], no. 15, 2010, P. 189–197.
19. Shestakova E. G. Geterotopiya – rabochee ponyatie sovremennoj gumanitaristiki: literaturovedcheskij aspekt [Heterotopia – a Working Concept of the Modern Humanities: Literary Aspect]. Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics], 2014, no. 1, P. 58–72.
20. Yakushenkova O. S. Obraz chuzhogo v geterotopnyh prostranstvah frontira. Diss. kand. Filos. nauk [The Image of a Stranger in the Frontier Heterotopic Spaces. Candidate's Thesis]. Astrahan', 2014, 209 p.
21. Yakushenov S. N. Frontir kak kul'turnaya paradigma [Frontier as a Cultural Paradigm]. Kaspiskij region: politika, ehkonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2015, no. 1, P. 288–298.